

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

ПОЛЬСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

«ETNOGRAFIA POLSKA», тт. II—VI, WROCLAW, 1959—1961

Рецензируемые тома «Etnografia Polska» построены (исключая т. III) по тому же типу, что и вышедший в 1958 г. I том¹.

II том (1959) включает раздел «Статьи», посвященный научной деятельности этнографических учреждений Польской Народной Республики, а также разделы «Материалы и исследования», «Полевые работы по этнографии», «Хроника» и «Рецензии».

Первый раздел этого тома открывает статья А. Кутшебы-Пойнаровой «Организация этнографической деятельности в Польше, научные учреждения и издательства» (стр. 19—53). В ней кратко изложена история польской этнографической науки с начала XIX в. до настоящего времени и продолжена дискуссия о предмете этнографии как науки и ее методологии, начатая К. Добровольским в I томе рецензируемого издания. А. Кутшеба-Пойнарова придерживается широкого определения границ этнографических исследований. По ее мнению, эти исследования должны охватывать ранние этапы развития культуры и историю так называемых примитивных народов, этногенез, проблемы преобразования культуры, вопросы теории и методов этнографической работы и др.

В том же разделе помещена статья «Деятельность университетских кафедр этнографии в Польше с 1945 по 1956 г.» (стр. 59—105). Ее авторы — Я. Климашевская и А. Кутшеба-Пойнарова особое внимание обращают на различия в теоретических направлениях работы этих кафедр. Так, например, в Краковском университете руководитель кафедры этнографии славян ныне покойный проф. К. Мошинский был, как отмечают авторы, последователем критического эволюционизма, а проф. К. Добровольский, возглавляющий кафедру общей этнографии, придерживается историко-социологических взглядов. Эти направления различаются прежде всего определением задач этнографии: последователи первого направления ограничивают их исследованием проблем первобытной культуры и культуры крестьян высокоразвитых народов; этнографы второго направления ставят своей целью изучение не только крестьян, но и рабочих, изучение общего процесса формирования современной социалистической культуры.

Обзор работы этнографических учреждений Польши продолжен в опубликованных в первом разделе статьях М. Гладыша «Научная деятельность этнографических музеев в послевоенный период» (стр. 109—136) и А. Наши «Научная деятельность и издательские труды Польского этнографического общества в последнем десятилетии» (стр. 139—143). М. Гладыш сообщает, что в Польше открыты для посетителей Этнографический музей в Кракове, Археологический и этнографический музей в Лодзи, Музей искусства и народной культуры в Варшаве, пять региональных этнографических музеев (Хожув, Картузы, Ломжа, Мысленице, Рабка), а также этнографические отделы в областных краеведческих музеях (Бытом, Люблин, Познань, Вроцлав, Жежов, Закопане).

Статья А. Наши дает представление о большой научной работе, проделанной Польским этнографическим обществом после второй мировой войны. Общество принимало участие в подготовке Польского этнографического атласа, проводило исследования трудов известного ученого О. Кольберга и сбор материалов для региональных и тематических монографий. Общество возобновило издание своего печатного органа «Lud» («Народ»), выпустило в свет несколько томов «Этнографических трудов и материалов», а также сборники «Этнографических работ», «Атласа польской народной одежды» и «Этнографического архива».

В разделе «Материалы и исследования» II тома напечатаны две статьи. Автор одной из них А. Валявендер рассматривает права наследования в дер. Каргова (Великая Польша) в первой половине XVII в. и обычаи, связанные с разделом семейного имущества. Для своей работы он использовал интересный архивный материал — сборник актов этой деревни (стр. 145—155). Вторая статья представляет собой обзор монографических описаний польских деревень в XIX—XX вв. (стр. 157—193). Ее автор К. Адамус отмечает, что первые этнографические монографии были изданы в Польше в начале XIX в., но систематические описания крестьянской культуры появились только во второй его половине. Это прежде всего монографический труд О. Кольберга (Народ, его обычаи, образ жизни, язык...) ² в 23 томах, а также работа С. Чишевского (Земледельческо-горняцкое население околлиц Славкова в Олькушском повите) ³ и др. В период между двумя мировыми войнами публиковались этнографические монографии двух основных типов. К первому относятся исследования по определенным проблемам,

¹ Рецензию на I том см. «Сов. этнография», 1959, № 5, стр. 183—187.

² O. Kolberg, Lud, jego zwyczaje, sposób życia, mowa, podania, przysłowia, obrzędy, gusła, zabawy, pieśni, muzyka i tańce, тт. 1—23, 1865—1890.

³ S. Ciszewski, Lud rolniczo-górniczy okolic Sławkowa w pow. olkuskim. «Zbiór wiadomości do Antropologii Krajowej», т. 10, 1886; т. 11, 1887.

материал для которых собирался в разных районах. Наиболее ценным из этих исследований был труд К. Мошиньского «Народная культура славян»⁴. В монографиях второго типа дана характеристика отдельных этнографических областей. К. Адамус рассматривает, кроме этнографических и исторических монографий также социально-экономические и социологические описания деревень.

В третьем разделе II тома освещены полевые исследования по этнографии Мазовша, Поморья, Малой Польши и по отдельным проблемам.

В Мазовше коллектив Варшавского отделения этнографии Института истории материальной культуры Польской Академии Наук (ИИМК ПАН) с 1954 г. занимается изучением культуры и быта населения Зеленой Пуши, так называемой Курпевщины. А. Кутшебой-Пойнаровой дан этнографический обзор района Зеленой Пуши (стр. 205—223). По утверждению автора, точная граница этого этнографического района на основе имеющихся материалов не устанавливается, а его отличие от соседних областей определяется главным образом более поздним распространением тех или иных явлений культуры и быта. По Курпевщине приведен также краткий обзор этнографической литературы, составленный Е. Дамрошем (стр. 226—231). Ряд статей посвящен занятиям курпевских крестьян. Это статьи: З. Шифельбейн «Крестьянское земледельческое хозяйство» (стр. 232—240), М. Бернацкой «Скотоводство и пастушество Зеленой Пуши» (стр. 241—246), Я. Олендзкого «Некоторые вопросы не земледельческого традиционного хозяйства крестьян Зеленой Пуши» (стр. 247—254) и К. Адамус «Традиционная обработка дерева у населения Зеленой Пуши» (стр. 255—259). Об изучении народного зодчества и одежды говорится в статьях М. Покропека (стр. 260—267) и Б. Загурной (стр. 268—273).

Сообщение Л. Швенгруб (стр. 274—276) касается формирования быта современной курпевской деревни. Автор рассматривает семью как общественно-хозяйственную единицу и стремится выявить изменения в крестьянской пище, одежде и жилище с конца XIX в. Из-за краткости статьи Л. Швенгруб (всего 2,5 стр.) трудно судить о правильности ее выводов в целом. Остается неясным, на каком основании автор считает период с 1939 по 1945 г. (когда Польша была оккупирована) временем «решающим для проблемы урбанизации деревни и нивелировки многих форм культурной обособленности» (стр. 275). Непонятно также и утверждение Л. Швенгруб, что после 1945 г. (т. е. уже в Польской Народной Республике) начался «период интенсивной капитализации курпевской деревни и ее постоянной систематической, хотя и более медленной, чем в 1939—1945 гг., урбанизации» (стр. 275). О проблемах общественного сознания жителей Зеленой Пуши пишет К. Юденко (стр. 277—281). Он отмечает, что у курпей сохранилось сознание своей обособленности, а в их материальной культуре имеются некоторые специфические особенности. Так, курпи отличаются от жителей соседних районов костюмом, а также (как они и сами признают) особым говором. Некоторые результаты исследований языка курпей приведены в статье А. Шифер (стр. 282—287).

В разделе полевых материалов II тома рецензируемого издания помещены также статьи сотрудников кафедры этнографии Варшавского университета. Тематика исследований кафедры, как отмечает ее руководитель проф. В. Дыновский⁵, не ограничивается бытом и культурой жителей деревни, а включает население городов, местечек. Полевые работы проводятся в малоизученном районе восточного и северо-восточного Мазовша. На основе собранных там материалов подготовлены кандидатские и магистерские работы. Представление о содержании двух таких работ дают статьи В. Попроцкой о кустарном плетении из прутьев в окрестностях Варшавы (стр. 291—295) и А. Герлях о гончарстве тех же районов (стр. 296—302).

Проблематика Поморья отражена в статье В. Бжеской «Народная культура западных земель в послевоенных научных работах профессора доктора Божены Стельмаховской» (стр. 303—309). В том же разделе напечатаны статьи, дающие представление о тематике и результатах полевых работ в Малой Польше. Статья В. Квасневича вводит в научный оборот интересные материалы по жилищу крестьян Краковского района (стр. 310—328). В ней сообщается об исследованиях, проведенных под руководством проф. К. Добровольского сотрудниками кафедры общей этнографии Краковского университета в 1954—1956 гг. Им удалось проследить в историческом аспекте изменения в обстановке крестьянского жилища, вызванные социально-экономическими причинами и ростом культурных запросов крестьян. В статье Ф. Котули (стр. 329—339) рассказывается о бортническом роде Судолов (Сандомирская Пуша) и о связанных с бортничеством старинных обычаях и обрядах. По малопольской тематике опубликована также статья П. Галаса «Гуралы из Подгалья в Любомеже над Страдомкой» (стр. 341—359), в которой показан быт пришлых гуралей, их жизнь среди местного населения, взаимоотношения с ним. Обзор этнографических трудов по Лимановскому

⁴ K. Moszyński, *Kultura ludowa słowian, cz. 1. Kultura materialna*, Kraków, 1929; cz. 2, *Kultura duchowna*, zeszyt 1, Kraków, 1934, zeszyt 2, Kraków, 1939.

⁵ «Деревня и город в научных работах кафедры этнографии Варшавского университета» (стр. 288—290).

ра
грнб
из
о
и
о
де
ци
ме
ар
(с
Кр
сти
унск
по
ис
кр
Со
В
обл.
ку.
ны
квпол
бы
ден
З
егс
на
ны
на
Сп
фита
(Х
фи
ка
(П
27дис
сле
лоз
ни
юж
кот
жи
на
нее
ста
не
ны
что

Ws

району (стр. 361—369) дает Л. Венгжинович. Он подчеркивает большой интерес этнографов к проблеме установления границы между гуралами и ляхами.

В конце раздела полевых материалов помещены статьи, затрагивающие отдельные вопросы этнографических исследований. Так, в статье З. Бялого сообщается об изучении кафедрой этнографии славян Краковского университета народных знаний о дереве как строительном материале (стр. 372—399). Особое место в разделе отведено инвентаризации памятников народного зодчества. Опубликовано сообщение Ф. Пясытик о создании Главного информационного центра при кафедре архитектуры и планировки деревень Варшавского политехнического института. Его задачей является инвентаризация в ближайшие годы всех ценных объектов народной архитектуры. В небольшой заметке И. Цивиньской рассказывается о материалах, собранных сотрудниками кафедры архитектуры Варшавского политехнического института. Кроме того, опубликованы (стр. 406—415) отчет В. Грабского о работе кафедры истории польской архитектуры Краковского политехнического института и статья Б. Ольшовы об инвентаризации крестьянских построек, проводившейся с 1951 г. кафедрой этнографии славян Краковского университета.

В разделе «Хроника» опубликованы информационные сообщения Д. Добровольской о конференции чехословацких этнографов по рабочему быту, З. Шромбы о съезде польских антропологов, В. Попрошкой об использовании этнографических источников в исторических исследованиях, а также заметки об этнографической работе краеведческих кружков школьной молодежи (Л. Венгжинович) и о деятельности Отечественного Союза кооперативов народного и художественного ремесла «CPLiA» (Б. Загурна). В заметке А. Янковской и З. Шифельбейн сообщается об основании в 1957 г. Польского общества этнографического фильма. В разделе рецензий дан обзор исследований по культуре трудящихся, опубликованных в Чехословакии, и некоторых трудов иностранных ученых. Рецензируются также периодические польские издания: «Исторический кварталный журнал», «Народный и художественный промысел», «Земля».

* * *

III том «Польской этнографии», изданный в 1960 г., посвящен памяти выдающегося польского этнографа К. Мошиньского (1887—1959 гг.). Помещенные в этом томе статьи были присланы учеными разных стран для публикации к семидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научной деятельности К. Мошиньского (его юбилей праздновался 3 марта 1958 г. в Кракове). Но III том «Польской этнографии» вышел уже после его смерти. В статье М. Гладыша прослежен жизненный путь и охарактеризована научная деятельность К. Мошиньского (стр. 13—27). В Польше издано около 130 научных трудов этого ученого, в том числе такие капитальные исследования, как «Народная культура славян» и «Человек. Введение к всеобщей этнографии и этнологии»⁶. Список его трудов (изданных и подготовленных к печати) мы находим в библиографии, составленной В. Мошиньской (стр. 31—40).

Тематика статей, опубликованных в III томе, разнообразна. Так, в работе Б. Братанича (Загреб) говорится о конструкции старых славянских плугов, С. Хальтзонена (Хельсинки) — о задачах финской этнографии, Ю. Лигензы (Катовицы) — об этнографических исследованиях музыкального фольклора; опубликованы также статьи Х. Ваккарельского (София) «Следы однопольной системы земледелия в Болгарии», И. Горака (Прага) «Людовик Куба и польские народные песни» и многие другие работы (всего 27 статей). Иностранные статьи помещены без перевода на польский язык.

* * *

IV том «Польской этнографии» вышел в 1961 г. Из опубликованных в нем работ дискуссионного характера отметим весьма интересную статью К. Добровольского «Исследования по теории польской народной культуры» (стр. 15—90), в основу которой положены материалы, собранные по составленной автором программе им самим и его учениками. Исследования охватывают южную часть Малой Польши и некоторые районы южной Силезии. Предметом исследования являются реликты, или остатки прошлого, которые, по определению автора, могут быть связаны или не связаны с современной жизнью. Среди причин, способствующих сохранению или исчезновению реликта, автор называет и «биологические» и высказывает некоторые, на наш взгляд, спорные и даже неверные положения. Так, например, К. Добровольский считает, что причина сохранения старых домов, а нередко и полуразрушенных хозяйств в дер. Скотники (близ Кракова) не столько в отсутствии доходов, сколько в пассивности и инертности населения вызванных, как он предполагает, вековым пьянством (стр. 42). Нельзя согласиться и с тем, что «известную роль в культурной отсталости некоторых пригородных деревень могла

⁶ K. Moszyński, *Kultura ludowa Słowian* (цит. выше); его же, *Człowiek. Wstęp do etnografii powszechnej i etnologii*, Wrocław, Kraków, Warszawa, 1958.

сыграть биологическая селекция, основанная на постоянном отливе активных людей в город» (стр. 43).

В первом разделе IV тома опубликованы также статьи: М. Дембинской об исследовании пищи населения средневековой Польши (стр. 93—106), Я. Климашевской (стр. 109—135), рассматривающей магические запреты у поляков, связанные с их календарными обрядами, и статья В. Армона, посвященная Н. Виташевскому (стр. 141—150). Поляк по происхождению, Н. Виташевский известен как исследователь якутов. За участие в революционном движении он был осужден царским правительством на каторгу, а после отбытия срока заключения поселен в Якутии. Здесь он принял участие в работе Якутской экспедиции Сибирякова, занимался исследованием обычного права, хозяйства, шаманства и фольклора якутов.

В отделе дискуссий напечатана статья А. Кутшебы-Пойнаровой (стр. 153—170) о подготовке Польского этнографического атласа коллективом сотрудников Института материальной культуры ПАН. А. Кутшеба-Пойнарова считает, что стремясь охватить не только реликты, но и современность, составители Атласа старались фиксировать явления, которые до сих пор, не были предметом этнографических исследований. По ее мнению, это стремление охватить огромное число разнородных вопросов, ставит перед Атласом невыполнимые задачи. Она высказывает далее весьма спорное положение о том, что этнографам, которые интересуются проблемами современности, карты Атласа дают немного. Кутшебе-Пойнаровой не кажется правильным, что «атлас позволит охарактеризовать народную культуру». Представленные на картах этнографического Атласа тематические проблемы являются, как она думает, «только материалами для работы над реконструкцией процесса развития народной культуры». Несмотря на все свои критические замечания, Кутшеба-Пойнарова считает составление Атласа делом очень нужным и полезным.

Разнообразен тематический раздел «Материалы и исследования» IV тома. Все опубликованные в нем работы относятся к Польше (кроме статьи М. Франковской «Животные в хозяйстве, верованиях и обычаях индейцев — жителей Перу в освещении хроники Фэлипе Гуаман Пома де Аяля»). В статье М. Сонгайлло-Кочановской (стр. 207—232) говорится о красителях, которые в XIX—XX вв. поляки употребляли для пасхальных яиц. Темой небольшой работы В. Еж-Ярецкого (стр. 235—249) послужила народная охота в Польше; материалы для этой работы собирали по анкете автора служащие лесничеств. Я. Павловская (стр. 251—258) сообщает о нескольких способах просушивания хлебных злаков, способах, выявленных в 1955 г. при полевых исследованиях для Польского этнографического атласа. В статье М. Бернацкой (стр. 261—274) освещено исследование коллективных работ и обычая взаимопомощи в дер. Потакувке Ясельского повета, характерных как для конца прошлого столетия, так и для современности. Однако сейчас, как указывает автор статьи, многие формы этой взаимопомощи преобразуются, а некоторые совсем исчезают. В разделе материалов и исследований имеется археологическая статья Е. Велевейского (стр. 277—297) «Обработка дерева в Силезии в позднелатенский и римский периоды», с описаниями орудий обработки дерева (секиры, струги, тесла и др.), построек, деревянной домашней утвари того времени.

Раздел «Полевые исследования» в IV томе невелик (стр. 299—331) и целиком посвящен Силезии. Общие сведения о монографическом изучении силезских деревень в 1958—1959 гг. приведены в статье руководителя этой работы М. Гладыша. Далее следуют сообщения об исследованиях в разных деревнях Силезии: К. Квасьневичовой и В. Квасьневича в дер. Блотница Стшелеска и Центава, З. Шромбы в дер. Держиславиче и А. Замбжицкой-Кунахович в дер. Овсище.

Объединенный раздел «Хроника и рецензии» в этом томе составлен по отдельным странам. В подразделе «Польша» опубликованы сообщения М. Гладыша «Конференция по вопросу создания Международной комиссии для исследования народной культуры в Карпатском районе» и Я. Томасика об исследованиях польского народного танца, а также рецензия А. Ковальской-Левинской на книгу Рудольфа Носоня «История, культура и упадок инков», изданную в трудах Польского этнографического общества⁷.

По Болгарии помещена статья Х. Вакарельского о работе Этнографического института и музея Болгарской Академии наук в 1958—1959 гг. В подразделе «Чехословакия» опубликованы: статья Д. Странской «Начальные опыты картографической разработки народной культуры Чехии», а также рецензии на журнал «Československá Ethnografie» (1953—1959 гг.) З. Шромбы и на журнал «Slovenský Národopis» (за те же годы) А. Замбжицкой-Кунахович. Об этнографических исследованиях в Югославии в 1959 г. дают представление статьи Д. Палошия «Этнология в Югославии в 1958—1959 гг.» и рецензия И. Низиньской на «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena» (тт. 35—39, 1951—1957). В подразделе «Германская Демократическая Республика» три статьи: П. Недо «Лужицкая этнография в 1959 г.», Д. Штокманна

⁷ Rudolf H. Nocoń, Dzieje, kultura i upadek Inków, «Prace Etnologiczne P.T.L.», т. 5, Wrocław, 1958.

«Д.
С.
ре
о
ни
О.
Е.
кн

на
г.
Х.
«Г
бс

К:
К
и
л
в
т
л
ж
р
л
н
с
и
н
п
г
г
г
с
и
и
и
и

«Деятельность Института немецкой этнографии Немецкой Академии Наук в Берлине», С. Бронича о публикациях в «Aggarethnographie». В подразделе «Румыния» напечатана рецензия Н. Дунаре и Б. Копчиньской-Яворской на первую румынскую монографию о фрако-дакийском языке⁸, а по Венгрии — статья Е. Барабаш «Важнейшие достижения венгерской этнографии в 1959 г.». В подразделе «СССР» опубликовано сообщение О. Ганцкой о деятельности Института этнографии АН СССР в 1959 г. и две рецензии: Е. Петрашека на журнал «Советская этнография» за 1946—1959 гг. и К. Адамус на книгу «Село Вирятино в прошлом и настоящем» (Москва, 1958).

В IV томе помещены также рецензии на издания других стран: А. Валигурского на первый выпуск Международного антропологического журнала «Current Anthropology» (Чикаго), Л. Дзенгеля на этнографические антологии, К. Малковской на книгу Х. Шапиро «Aspects of Culture» (Нью-Джерси, 1956), А. Дамроша на книгу Ж. Берга «Histoire sociale d'un village égyptien au XX siècle» (Париж, 1957) и А. Стояка на работу Р. Мунха «A Study of Cultural Change» (Осло, 1956).

* * *

Значительную часть изданного в 1961 г. V тома «Польской этнографии» занимает карпатская проблематика. В разделе «Статьи» об исследовании культуры населения Карпат пишет К. Добровольский (стр. 15—25). Он придает особое значение в этих исследованиях сотрудничеству археологов, историков, этнографов, экономистов, психологов, лингвистов и географов. Основной задачей этнографов он считает изучение современности во всем ее многообразии, сбор сведений об исчезающих элементах культуры и о динамике ее преобразований в настоящее время. К Добровольский справедливо утверждает, что этнографическое изучение Карпат тесно связано с потребностями жизни, с практическими задачами перестройки быта горцев. В том же разделе Р. Ямка рассматривает роль Карпат в предистории и в раннем средневековье (стр. 29—47). Он делает попытку реконструкции доисторических поселений Карпат от палеолита до раннего средневековья и приводит несколько карт районов поселений в разные исторические периоды. В статье Ю. Зборовского (стр. 49—60) показано значение произведений известного польского поэта XIX в. Северина Гошиньского для этнографического изучения Карпат. В сочинениях Гошиньского впервые встречаются гуральские исторические предания; его поэма «Собутка» ввела татарского горца в польскую литературу. Написав «Дневник путешествия в Татры» Гошиньский как бы положил начало исследованию быта жителей подножья Татр.

Темой статьи Р. Райнфусса (стр. 63—68) послужила культура лемков. Райнфусс приводит разные взгляды на происхождение лемков и отмечает, что все опубликованные до сих пор работы по лемковщине носят описательный характер. В них представлены главным образом материальная культура и фольклор, и очень мало сведений по народному изобразительному искусству, танцам и музыке, по обычному праву и календарным обрядам. В связи с этим Райнфусс ставит вопрос о необходимости использования этнографами накопленных, но еще не опубликованных материалов по культуре лемков и о более интенсивных полевых исследованиях карпатской проблемы в целом.

В разделе статей помещен подготовленный румынским этнографом И. Влэдуциу обзор истории изучения скотоводческого хозяйства, пастушеской культуры и быта румын в прошлом (стр. 71—83). В конце обзора автор останавливается на исследованиях, которые румынские этнографы проводят по этой теме сейчас. Характер обзора носит и работа словацкого ученого Я. Штики «Шалашничество на Моравской Валахии в освещении литературных источников до середины XIX в.» (стр. 85—95).

Шведский ученый С. Эрикссон (стр. 97—100) сообщает о сезонных поселениях рыбаков на побережье Балтийского моря. Прибывшие из глубины континента рыбаки проводили в них период лова. Во многих местностях Верхней Далечарлии раньше существовали летние поселения на пастбищах. В наиболее изолированных районах вторичные деревни, возникавшие на летних пастбищах, сохраняли очень старые формы жилища.

В разделе «Научные исследования и материалы» помещены девять статей — все по карпатской проблематике (стр. 101—287). В статье А. Ковальской-Левицкой описано подсечно-огневое хозяйство в польских Карпатах в XIX—XX вв. Автор выделяет там несколько способов корчевания и выжигания леса и кустарника под пахотные поля, а затем приводит материалы о возделывании на этих полях «кржицы» — особого вида озимой ржи. В работе А. Замбжицкой-Кунахович показано современное обучение сельскому ремеслу в Подгалье, где в семьях деревенских ремесленников и сейчас еще трудовые навыки часто передаются из поколения в поколение. В других случаях ремеслом овладевают, поступая на определенных условиях учеником к ремесленнику. Многие сельские жители теперь уже обучаются ремеслу на специальных курсах и в технику-

⁸ I. Russu, Limba traco-dacilor, Editura Academiei Republicii Populare Romîne, București, 1959.

мах. Крестьянскому зодчеству Подгалья посвящена статья В. Иостовой. В 1958 г. там началась инвентаризация разных типов сельских усадеб и построек в связи с предполагаемой организацией Музея на открытом воздухе.

В статье А. Полонеца (Мартин) говорится о словацких поясах и других частях одежды, сделанных из южи. Опубликованы также статьи Б. Копчиньской-Яворской «Карпатский овечий сыр с орнаментом» и «Пастушеские странствования по Силезским Бескидам», М. Мисиньской «Сплав леса в Карпатах и на Прикарпатской территории во второй половине XIX в. и в XX в.» и Р. Ержабека (Брно) «К вопросу о сплаве и речном судоходстве в Западной Галиции в начале XIX в.». Второй раздел заканчивается публикацией работы А. Шурмяк-Богущкой и К. Богущкого, раскрывающей историю исследования народной музыки и танца в польских Карпатах.

Преимущественно карпатская проблематика отражена и в разделах хроники (стр. 289—386) и рецензий (стр. 387—411). Здесь имеются сообщения об исследованиях в Карпатах, проведенных сотрудниками кафедры этнографии Лодзинского университета, Отдела этнографии Института истории материальной культуры ПАН, кафедры этнографии славян и кафедры общей этнографии и социологии Краковского университета; сообщается также об этнографических коллекциях по Карпатам в Трансильванском этнографическом музее в Клуже, в Музее культуры и народного искусства в Варшаве и в других музеях, приведены рецензии на работы по Карпатам и др.

* * *

Карпатская проблематика освещается и в VI томе «Польской этнографии», вышедшем в 1962 г. В разделе «Статьи» из обстоятельного очерка М. Гладыша (стр. 15—38) читатель узнает о деятельности Международной комиссии по исследованию народной культуры в Карпатах, организованной в 1960 г. М. Гладыш выделяет два периода в истории изучения Карпат: довоенный, когда в центре внимания были реликтовые явления культуры, и послевоенный, для которого характерны всесторонние исследования монографического типа, исследования процесса формирования народной культуры и происходящих в наши дни изменений в быту. Разработка важных научных проблем по Карпатам потребовала объединения ученых разных стран. Начало этому, как сообщает М. Гладыш, положил Этнографический отдел Института истории материальной культуры ПАН, где в 1958 г. был создан Организационный комитет для налаживания международного сотрудничества ученых, работающих по карпатской тематике. В 1959—1960 гг. с этой целью в Польше и Чехословакии было проведено несколько конференций польских, чехословацких и румынских этнографов. В 1960 г. польские и чехословацкие ученые заключили соглашение, которое стало основой деятельности Международной комиссии исследования народной культуры в Карпатах. Комиссию возглавляет Научный совет, у нее имеется свой печатный орган — информационное издание «Карпатика». Одной из главных задач комиссии является организация полевых исследований. М. Гладыш сообщает далее, что во время экспедиционных работ 1961 г. в Карпатах были собраны материалы по пастушескому быту, причем особое внимание было обращено на те традиционные явления, которые играют положительную роль в формировании новой культуры. Большое значение в работе Международной комиссии М. Гладыш придает обсуждению и публикации трудов по Карпатам.

Этнографическим работам, вышедшим в XVIII—XX вв. по западным Карпатам, посвящена статья А. Кутшебы-Пойнаровой (стр. 75—82). По ее мнению, особое внимание при систематических исследованиях культуры и быта населения Карпат нужно уделить процессу изменения деревенского быта в современных условиях. Т. Левицкий пишет (стр. 63—72) об использовании этнографами разного рода письменных источников по Карпатам и выделяет один из них — «Книгу Рогера» — арабского географа XI в. Ал-Идриси.

В статье М. Бернацкой (стр. 41—60) подведены некоторые итоги полевых исследований в Бещадах, где работали в 1960—1961 гг. сотрудники Варшавского отдела этнографии Института истории материальной культуры и студенты кафедры этнографии Варшавского университета. М. Бернацкая охарактеризовала старинные и современные формы организации пастушества в Бещадах, и в частности, остановилась на возникшем там в настоящее время сезонном пастушестве. Ежегодно в Бешады на легкий выпас привозят скот по железной дороге подгальянские гуралы, которые ведут здесь пастушеское хозяйство по правилам и обычаям своих родных мест.

В статье немецкого ученого В. Якобейта описаны формы овцеводства в Центральной Европе и среди них отгонное овцеводство, особенно типичное для средиземноморских стран. Автор приводит ценные сведения о быте, экономическом и общественном положении пастухов в Центральной Европе до начала XX в.

Раздел «Исследования и материалы» в VI томе делится на три части. В первую (стр. 93—190) входят статьи об исторических судьбах и культуре населения Карпат и Прикарпатья. Так, в статье М. Готкевича говорится о польских гуралах, переселившихся на Буковину в XVIII—XIX вв. из Чадецкого района (местечко Чадцы) и со-

хранивших многие польские обычаи и язык, и о репатриации их в 1945—1948 гг. в Польскую Народную Республику, где они поселились в основном в Нижней Силезии, а также в воеводствах Зеленогорском и Кашалинском. В. Квасьневич на основе материалов, собранных в дер. Верхние Святники, характеризует социально-экономическое положение жителей этой деревни, описывает их ремесленное производство висячих замков и торговые связи в период 1850—1914 гг.

Работа С. Зволинского по истории горного дела и металлургии в польских Татрах подводит итоги систематическим исследованиям по этой тематике, которые проводит с 1955 г. Комитет истории науки и техники ПАН с участием сотрудников музея Татр в Закопане и кафедры истории техники Горно-Металлургической Академии в Кракове.

Вторая часть «Исследований и материалов» состоит из статей о хозяйстве и культуре жителей других горных и лесных областей Европы (стр. 192—266). В небольшой работе Я. Петеры описано кочевание в Албании пастухов аромунгов. Статья Б. Урбанской касается быта кочевавшей на Балканах пастушеской группы каракачанов. Лето они проводили на высокогорных пастбищах, зиму — в долинах рек и на приморских низменностях. Автор приводит разные взгляды ученых на происхождение каракачанов. На основе полевых исследований, проведенных в 1958—1960 гг. среди группы каракачанов, написана статья Д. Марковской «Несколько замечаний о процессе исчезновения кочевнических переселений на территории Болгарии». В. Еж-Ярецкий дает подробное описание бортничества в Сольской Пуще по материалам, собранным им в 1948—1957 гг. преимущественно в южной части Билгорайского района и в Государственном воеводском архиве в Люблине.

Последняя часть раздела «Исследований» VI тома посвящена истории этнографии и родственных ей наук. Здесь помещена статья Ф. Германа к 150-летию со дня рождения А. Рыпиньского, сыгравшего немаловажную роль в развитии польской этнографической науки XIX в. В статье приведены краткие биографические сведения и указаны наиболее важные сочинения Рыпиньского («Белорусь. Несколько слов о поэзии простого народа» и др.). Е. Дамрош сообщает об издании рукописных материалов М. Федеровского, замечательного исследователя этнографии белорусского и польского народов; в Польше уже изданы в 1958 г. т. V, а в 1960 г. — т. VI его труда «Белорусский народ»⁹. В статье И. Турнау дан обзор этнографических материалов в польских журналах XVIII в. — главным образом описания путешествий в разные страны (Южная Америка, Персия, Турция и др.), помещенные в журнале «Pamiętnik Polityczny i Historyczny» и в других периодических изданиях. По археологической тематике, связанной с этнографией, опубликована статья Е. Островской о деревянном строительстве и обработке дерева в раннесредневековом Вроцлаве. Автор использовала материалы раскопок на Тумском острове, главной целью которых было воссоздать состояние ремесел в наиболее древних городских поселениях.

Раздел полевых исследований представлен тремя небольшими статьями об этнографических работах в Карпатах (стр. 321—347). В 1960 г. Польская комиссия исследования народной культуры в Карпатах проводила там инвентаризацию всех открытых на летнее время «шалашей» — пунктов совместного выпаса скота; об этой работе пишет в своей статье Б. Копчинская-Яворская. Полевые исследования 1960—1961 гг. в Островном Бескиде послужили материалом для статьи М. Леховской-Буяк о сохранившихся традициях пастушества. В статье Д. Тыльковой «Деревянные сводчатые амбары в южной Сондечизне» использована часть материалов по жилищу, собранных в 1961 г. сотрудниками Краковского отдела этнографии Института истории материальной культуры ПАН в деревне Пшисетнице в районе Нового Сонча.

В разделе «Хроника» напечатано сообщение В. Дыновского и К. Макульского о VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже и о подготовке к VII Конгрессу в Москве (стр. 349—356). Большое место и здесь, как и во всем томе, занимают сообщения по Карпатам: А. Ковальской-Левинской «Археологический карпатский симпозиум», А. Куньша «Раннесредневековое поселение в бассейне Сана» и др. Опубликованы также статьи об этнографических работах за пределами Польши и, в частности, в Эстонской ССР (Ю. Линнус).

В библиографическом разделе опубликованы рецензии Э. Петрашека на журнал «Советская этнография» за 1960 г. (стр. 415—418) и написанный З. Ясевичем обзор работ о ремесленной обработке металлов в среднеазиатских республиках (стр. 449—455)¹⁰. Из чехословацких этнографических изданий рецензированы журналы «Česko-

⁹ M. Federowski, *Lud białoruski*, т. V, *Pieśni*, Warszawa, 1958, т. VI, *Pieśni*, Warszawa, 1960.

¹⁰ См. М. Джаббаров, К вопросу о технике чугунолитейного производства, «История материальной культуры Узбекистана», т. I, Ташкент, 1959; В. Востров, Некоторые изделия казахских мастеров-зергеров. Труды Ин-та истории, археологии и этнографии Казахской ССР, т. 6, Алма-Ата, 1959; Е. Масанов, О ремесленных организациях Средней Азии, «Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР», т. XXXIII, 1960; И. Захарова, Материальная культура уйгуров Советского Союза, «Среднеазиатский этнографический сборник», II, Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XLVII, 1959.

slovenska Ethnografie» за 1960 (З. Шромба) и «Slovenský Národopis» за тот же год (А. Замбжицкой-Кунахович). Помещены также рецензии А. Ковальской-Левицкой на «Acta Archaeologica Carpathica», т. I, в. 2, 1960; Х. Бурхардт на «Rocznik Sadecki», т. 1—4, 1939, 1949, 1957, 1960; В. Якобейта на книгу Т. Хорнбергера «Die kultur-geographische Bedeutung der Wanderschäfererei in Süddeutschland» и др.

* * *

Характеризуя II—VI тома «Польской этнографии» в целом, можно сказать, что при всем тематическом разнообразии в них отражены преимущественно основные направления работ польских этнографов: монографические исследования по отдельным районам страны, составление Польского этнографического атласа, карпатская проблематика. Помещенные в этих томах теоретические статьи поднимают вопросы определения этнографии как науки, а также методологических основ и методики этнографической работы в Польше.

О. Ганцкая

НАРОДЫ СССР

М. О. Косвен. *Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке*. «Кавказский этнографический сборник». I, М., 1955, стр. 265—374; II, 1958, стр. 139—274; III, 1962, стр. 156—288, Труды Института этнографии Академии наук СССР, тт. XXVI, XLVI, LXXIX.

Выходом в свет III тома «Кавказского этнографического сборника» завершена публикация сводной работы М. О. Косвена «Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке». Эта работа представляет собой широко задуманный био-библиографический труд с большим хронологическим диапазоном, с обобщениями изложенного в каждой главе, с оценкой отдельных историографических периодов по ведущим проблемам кавказоведческой литературы.

Необходимость в таком труде давно назрела, но создание его, казалось, превышало возможности одного человека. Однако благодаря длительному и кропотливому исследованию, сочетаемому с энциклопедическими познаниями в области кавказоведческой литературы и глубоким пониманием соответствующей проблематики, М. О. Косвен сумел собрать воедино разбросанные по отдельным изданиям работы и дать их критический обзор в хронологическом и тематическом плане.

Своеобразие рассмотренной в труде серии литературных источников, касающихся самой различной тематики, и многонациональность населения Кавказа, привели автора к неизбежным в данном случае ограничениям. Важнейшими из них являются: подбор сочинений о Кавказе прежде всего русских авторов на русском языке, привлечение лишь опубликованных материалов, отказ от мелких и несущественных работ, библиографирование преимущественно в виде кратких аннотаций. С удовлетворением хочется отметить, что автор часто нарушает эти ограничения, в результате чего в библиографию попали многие сочинения нерусских авторов, опубликованные на русском языке; во второй части рецензируемой работы введена специальная глава, посвященная обзору архивных материалов по этнографии Кавказа; аннотации нередко представлены в виде довольно пространственных обзоров. Особо следует отметить, что биографические справки об авторах кавказоведческих трудов нередко перерастают в самостоятельные очерки.

Рецензируемая работа охватывает большой период времени. В I главе — «Ранняя русская этнография Кавказа» дан обзор материалов периода, начиная с появления первых сообщений о Кавказе и кончая присоединением Грузии к России; во II главе — «Первые десятилетия XIX века» рассматриваются работы 1800—1830 гг. Далее, начиная с 40-х годов XIX и до начала XX в., дается анализ публикаций по отдельным десятилетиям (главы III, IV, VI—IX), прерывающийся лишь включением обзора архивных материалов по этнографии Кавказа XVIII — первой половины XIX в. (гл. V). В последней, X главе содержится, к сожалению, очень общий и неполный обзор кавказоведческой литературы с начала XX в. до 1917 года. Автор безусловно прав, ссылаясь на трудность более или менее полного учета всей литературы за указанный период ввиду ее обширности и многосторонности, но эта оговорка не снимает с порядка дня вопрос о необходимости пополнения этого раздела.

Значение «Материалов» заключается прежде всего в том, что в них приведена в систему чрезвычайно обширная и весьма своеобразная, но вместе с тем исключительно богатая литература по всем основным вопросам кавказоведения. В начальный период накопления фактического материала, как известно, сведения по этнографии народов